

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Первая банная ночь

«Пути Господни неисповедимы.

Но так и тянет крикнуть «гой еси!»...

Мы, все-таки, мужик, непобедимы,

Покуда топят бани на Руси!».

У меня зазвонил телефон... Хорошее начало прямо из детства. «Кто говорит? Слон!», но звонила Зина с родины: «Кум, приезжай. Оленька, крестная твоя, выходит замуж. Помощь требуется. Мой-то пять лет, как преставился... « Ну, надо так надо! Мне собраться — только подпоясаться, тем более к Зине. Когда-то я с ней гулял, но она выбрала не меня, так я в армию и попал.

Разрешите представиться: гвардии старший прапорщик запаса Семенов Егор Артемьевич. Отслужил свое положенное, и вот — пенсионер. В сорок пять. Жизнь только начинается. Меня в части зубоскалы Шкафом прозвали. Да что с них худосочных возьмешь! У нас в роду все мужики такие: невысокие, но косая сажень в плечах. Дед в девяносто подковы гнул, да и я не отстаю. (Как мне доложил один салажонок, не выходявший у меня потом с губы: «Вас, товарищ прапорщик, легче перепрыгнуть, чем обойти!»).

Собрался, взял литературу и на вокзал. Через двое суток вышел на знакомом полустанке. Там меня Зина-кума и встретила. Все как положено, на пароконной коляске, телегой называются, а за пару один бугай впряжен крепкий и выносливый. Вылитый папаня, когда, бывало, нажрется и на коленях по полу ползает, увертываясь от скалки маменьки. Обнялись, расцеловались и в путь. До деревни-то двадцать верст будет и все по тайге.

Деревушка наша так и называется Семёновка, там у нас сроду других фамилий и не было. Раньше домов сто стояло пятистенков, а сейчас, говорят, меньше. А образовалась она еще в позапрошлом веке, правда, в город так и не выросла. Ладно, приеду, посмотрим. Едем, беседуем. Я на куму поглядываю. Справная она баба. Нашей породы. Этакий живчик в свои сорок. Росту метр шестьдесят, коренастая и всё при ней. Буфера вон сарафан на груди рвут. Русые волосы в косу заплетены. Загорелая. Как снег сойдет, она все на улице пашет! Не в пример этим городским цацам. Они микроволновку-то до лифта донести не могут. А Зина и холодильник на девятый этаж одна запрет. Ей что лес валить, что корову доить — всё одно! Соскучился я по своим родным местам и лицам, и по ней тоже — аж страсть.

Наконец-то прибыли. Меня за стол перекусить усадила. В центре бутыль местного изготовления на кедровых орешках настояна. Аж слеза навернулась. Все по-простому: квашеная капуста, грибки, белые маринованные, олененок, молочный, прямо из печи... Ну и, конечно, чугуны картошки. А куда нам без нее. А хлеб... Это вам не в булочной! Буханка как две моих головы, а у меня размер шестьдесят какой-то, еще горячая. А пахнет... Видно, пока Зинка за мной ездила, Оленька его и пекла. Значит, не спортили девку.

«Перекуси да с устатка рюмку прими» — говорит кума, и кивает во двор: «Олька баньку истопила, дойдет — попарю тебя». Я недоуменно кивнул, а потом вспомнил. Совсем обычай местный забыл. У нас завсегда хозяйка дома всех парит. Если гость по нраву, то и не только попариться можно. Хозяин, бывало, неделями домой из леса не приходит, а баба ведь тоже человек. Ей надо, вот и прижился обычай. Надо только соблюсти приличия и все. Сейчас-то проще — всякие контрацептивы, тьфу язык сломаешь, есть. А раньше к бабке Федосье бегали.

Она местная знахарка какой-то отвар готовила. А то ведь мы здоровые бугаи не только внешне, чуть недосмотрела баба, глядишь уже с пузом.

Выпил рюмку, кума со мной замахнула. Оглядываюсь. Кругом чистота и порядок.

Спрашиваю:

— А крестная где?

— Да убежала. Не сидится ей дома. Как что, так эта кобылка ноги в руки к своему воздыхателю на другой конец деревни прется.

— А он кто?

— Да Онисима Павлыча сынок. Вот с армии пришел. В ДШБ служил!

— (Ну, у нас все там служат. Охотники, мы и здоровые как медведи) — подумал я, добавив вслух — вот и я в разведроту двадцать лет отпахал.

— Да ты чё, а я думала на складах где-то.

— Ну, это последние два года, а так...

— Ладно, давай закусывай да пошли. Баня стынет, — сказала она, проходя мимо меня.

— Ох и ладная ты баба, — со всего маху шлепаю ее по заднице, и еле успеваю увернуться от подзатыльника.

— Ты, кум, не балуй, — ржет она.

— Чуть не убила, — говорю, рука у кумы, как у моей матушки, тяжелая.

Не зря она отца скалкой гоняла. Рукой и прибить могла!

— Ладно, давай пошли. В парилке поболтаем.

Пока я оголялся она, сбросив сарафан и оставшись в одной исподней сорочке, расплела косу и надела платочек. И зыркнув на меня проскользнула в моечную. Я разделся, чуть притормозил. Все же отвык с женским полом вместе мыться. Вслух произнес: «Ну, гвардия вперед!», шагнул в сырой полумрак. И врезался в объёмную женскую задницу, обтянутую тонкой тканью. Кума стояла, нагнувшись что-то собирая на полу. От этого столкновения и её матюков мой благоверный встал как на параде. Я аж покраснел.

— Медведь! Ну, чистый медведь, — произнесла она, поворачиваясь.

— Не ожидал...

— Да ладно. Давай проходи в парилку, — произнесла она, не отрывая взгляда от моего воина.

— Ух ты! А я и забыла, как он выглядит. Прямо как у моего, — она вздохнула, — все вы, Семёновы, ниже пояса на одно лицо!

— Да и вы, бабы, только прической и отличаетесь, — парировал я.

— Прходи, проходи, — пробурчала она.

— Ох... — только и вымолвил я, переступив порог, и тут же пригнулся.

— Ха-а... — засмеялась она, — раньше ты выносливее был.

— Отвык, — пришлось признаться мне, и опустил на нижнюю полку.

— Ты, похоже, и с бабами париться отвык? — кивнула она на моего друга, стоящего как штык.

—?! — покрутил головой.

— А обычаи наши не забыл?

— Нет, — помолчав, произнес я и тут же у меня в голове всплыли наказания отца, когда он учил меня всему.

— А что жену не привез?

— Так... не сподобился. Раньше служил — некогда было, вот только в отставку вышел. Думал поискать...

Зина внимательно на меня посмотрела, как будто прикидывая, что-то, и произнесла слова, про которые я пытался не вспоминать:

— Принимаешь ли ты мой кров, еду и постель?

—?! — пытался думать я в этой душегубке, хотя слова сами рвались с языка. — На сколько? — мгновенно пересохшим горлом спросил я.

— А если я скажу — пока смерть не разлучит нас? — попыталась она перевести все в шутку.

— А ты скажи! — с вызовом просипел я, хватая горячий влажный воздух.

— Уже сказала! — прошептала она, добавив, — или пока я не выгоню тебя...

— Да, да, да!

Может, для вас они ничего и не значат, но только что я дал согласие хозяйке дома на то, что согласен взять её в жены. И готов разделить с ней кров, еду, и любовь до конца жизни или пока она не выгонит меня! (У нас в некотором, роде матриархат и хозяйкой дома считается женщина, дающая новую жизнь).

— Вот так просто? — чуть помедлив, задал я вопрос.

— А что кота за яйца тянуть? Я хочу тебя!

— Я тоже, — прошептал я и за руку и выдернул её из парилки.

Я смотрел на нее, как она сдернула косынку и, встряхнув головой, рассыпала волосы по плечам. Как ухватив за подол, медленно снимает сорочку, открывая моему взору свои богатства и прелести. Я без того напряженный чуть не взорвался, но постарался не ударить лицом в грязь, сдержался. Правда, не знаю, есть ли у той головки лицо? Я прижал ее к себе сжигаемый желанием. Она трепетно прильнула ко мне, обняла. А я зарылся в ее волосы, вдыхая забытый аромат березы и ольхи и еще чего-то, чем она моет свою гриву. Это вам не каре на голове, какой-то городской мамзели. Это настоящий водопад тяжелых русых волос. Зина настоящая русская ЖЕНЩИНА, которой под силу все!

— Ох... как давно я вот так с мужиком... — выдохнула она.

— А как я-то рад, — шептал я, поглаживая ее волосы и спину.

Взяв за голову, поднял вверх и поцеловал. Она ответила вся, потянувшись ко мне. А потом и сама начала целовать меня... С трудом оторвавшись от ее уст, я развернул ее и прижался к спине. Мои руки жадно ухватили ее груди, сжимая их до боли и массируя. Она застонала, откинув голову назад на моё плечо. Ее ягодицы скользили по моему члену. Даже моя, не маленькая рука, которую в части иначе как лопата не называли, не могла вместить тугие белые полушария. Ещё ни разу, с тех пор как я покинул свою деревню, не ощущал в руках такое богатство! Это вам не целлюлитное вымя толстух и не силиконовые монстры из порнофильмов. Несмотря на размер, они не нуждались в поддержке даже кружевного мягкого лифчика, а тем более жесткого бюстгальтера! Да и трусы здесь не всегда носят. Хотя, конечно, они более востребованы чем лифчики, но скорее у молодого поколения. Я говорю именно про женские трусики, а не это недоразумение, называемое стрингами!

— Давай... Скорее... Я вся горю... — шептала она.

— А если... — выдавил я из себя.

— Ну и что, молодые мы еще... Воспитаем...

—?! — я нагнул и придавил ее грудью к лавке.

— Ну? — она шире расставила ноги.

Я рукой провел у неё между ног. И опять память сыграла со мной шутку. Ожидая гладкую мягкую кожу, я ощутил мокрые слипшиеся жесткие волосики, которых если и касалась

бритва, то только во время беременности. Как у Петра I — бояре с бородой, у нас женщины — с «челкой». Мне пришлось приложить некоторые усилия дабы, начав священнодействие не прихватить с собой туда пучок волосиков.

Но все проблемы решаемы и вот я уже погружаюсь или скорее сказать, меня засасывает горячая мокрая пучина. Несмотря на свою коренастость, не всякая крынка подойдет, я довольно-таки легко устраиваюсь в ее пещерке и пошла «потеха»! Первые десять минут слышно только чмокание и тяжелое пыхтение. Ей мало того, что двигаюсь я, она вовсю вертит соблазнительной попкой, выгибая спину и подаваясь назад в противоходе мне. Теперь еще слышны звонкие удары тел друг о дружку и приглушенные стоны, от которых кровь быстрее струится по жилам, а в голове звучит: «Ещё, быстрее, сильнее...».

Здесь не принято орать во все горло в экстазе, но я чувствую, как напрягаются мышцы, выкручиваемые спазмами, ощущая, как она, прикусывает губы не давая вырваться на волю победному рёву... Но это далеко не конец я собираюсь продемонстрировать ей все «заграничные» штучки кои освоил в большом мире. Укладываю её на спину поперек лавки именно для этого они такие широкие и продолжаю свою приятную работу. Ноги, согнутые в коленях и разведенные в стороны после каждого моего «удара» подлетают вверх, отчего её бюст мягко покачивается вперед-назад, а соски вычерчивают в воздухе замысловатые восьмерки. Мы оба напоминаем взмыленных лошадей, с нас бежит и капает. Пот застит глаза. Я нагибаюсь и, поймав губами сосок, легонько прикусываю его, теребя языком. Этого не выдерживает даже она! Гортанное: «О-о-о...», рвет воздух. Её руки обнимают меня, прижимая к телу, и сквозь стоны рвется: «Да что же ты делаешь нелюдь!», и тут же я ощущаю, как её скручивает подо мной, как волны удовлетворения пересекают ее живот, как дрожат и дергаются бедра и ягодицы.

Я еще не готов, но останавливаюсь и медленно покидаю ее пульсирующее лоно. Начинаю целовать губы, лицо, шею спускаясь, все ниже. Наконец добравшись до сосков, играю и ими. Она все еще дрожит в прострации, нервными движениями гладя мою голову. А я, перемещаясь уже к животу. Вот мой язык погрузился в пупок. Она охает. А я, уже опустившись на колени, приникаю губами к ее прелестям. Мой язык врывается в её лоно, вылизывая и выглаживая каждую имеющуюся там складочку! Крик, долгий как день выдавливающий воздух из легких до последней молекулы: «Нет! Ты что! Нельзя...!» Но ее бедра подаются вперед, плотнее прижимаясь к моему лицу, а руки с нечеловеческой силой давят на мой затылок. И уже не дрожь, а настоящий шторм охватывает ее тело. Она бьется как в припадке падучей. Потом крик смолкает, и только сверкают белки широко открытых глаз да трепещут мышцы в попытках выдавить воздух из легких, которого там нет.

Я даже испугался, на время, оставив в покое ее киску. () Она с трудом, но все же втягивает в себя воздух широко открытым ртом. А я уже снова в ней и мой воин «добывает поверженного врага» довершая победу. Еще пять минут, и я с криком заполняю семенем ее лоно. Его много оно не уместится внутри. Брызгами и вязкими струйками пробивая себе путь наружу вопреки моему продолжающемуся движению.

Я замираю. Усталость тяжестью окутывает члены, на лбу выступает испарина. Медленно сползаю на пол, словно соскользнувший куль и замираю. Тишина. Слышно как кипит в баке вода, пощелкивают горящие в печи, угли и тяжелое дыхание двух людей... Вязкие белесые ручейки, сочась, сползают по бедрам, капая на пол.

— Зачем ты... сделал? — вдруг выдавливает она сквозь дрожь.

— Тебе не понравилось?

— Нет... Но... не делают...

— Разве? — улыбнулся я, — не делали, а теперь будут!

Да?! — вздыхает она и улыбается, хозяин вернулся в дом!

И словно вторя ей, на улице не видимая нами от края до края неба появляется радуга... А свадьбу... Так, ее и вместе с дочкиной сыграть можно!